
В. Г. КОСЫХИН

КРИТИКА Ж. БОДРИЙЯРОМ НИГИЛИЗМА: РИСК И ОЧАРОВАНИЕ ФАТАЛЬНОГО

Философское вопрошание о нигилизме и его роли в нынешней культуре со времен Ницше, первого исследователя нигилизма как культурно-исторического феномена, предполагает наличие определенного риска для теоретического мышления. Этот риск, в первую очередь, является онтологическим: как мыслить ничто, которое, выдавая себя за что-то, неуклонно вплетается в ткань исторического и повседневного бытия? С другой стороны, это риск методологический, так как он связан с неизбежной вовлеченностью исследователя, поскольку само вопрошание о нигилизме уже оказывается изначально проникнуто духом того самого нигилизма, на научно-теоретическое рассмотрение которого оно вроде бы претендует.

Все это в полной мере характерно для мышления Ж. Бодрийяра, наряду с Ницше и Хайдеггером, пожалуй, наиболее известного исследователя нигилизма и в особенности его современных форм.

Сегодня нигилизм, как утверждает Бодрийяр, вовсе не окрашен в вагнеровские или шпенглеровские тона, не исходит он и от декаданса или радикальной метафизики «смерти бога»: «Нигилизм сегодня – это нигилизм *прозрачности* (*transparence*), и в чем-то он более радикален и решителен, чем его предшествующие исторические формы»¹.

Что же означает этот «нигилизм прозрачности»? Сам Бодрийяр достаточно емко описывает его как ситуацию, когда «от современного взгляда ничто не сокрыто»². День из жизни президента или политического деятеля, репортаж с войны или сексуальная жизнь кинозвезд, прямые репортажи с заседаний правительств или парламентов – все это создает иллюзию полной достоверности сооб-

¹ Baudrillard, J. Simulacres et simulation. – P.: Galilée, 1981. – P. 229.

² Baudrillard, J. L'autre par lui-même. – P.: Galilée, 1987. – P. 20.

щаемого. Но что означает тотальное исчезновение тайны? В жизни современного субъекта это означает прозрачность для восприятия со стороны других. Психология, социология и медицина рисуют тотально просвеченные образы субъекта: для них он прозрачное психическое, социальное или телесное нечто или ничто. И здесь прозрачность грозит переходом в призрачность: взгляд, смотрящий сквозь, взгляд, не упирающийся в тайну, рискует не увидеть ничего. Не случайно именно в эпоху господства прозрачности всех сторон общественной жизни и жизни субъекта возникает еще один термин: «виртуальность». Виртуальность как тотализация или гиперреализация призрачности...

Двумя важными составляющими нигилистического дискурса современности являются оперативность и операциональность.

Оперативность, чьим ближайшим синонимом будет являться, очевидно, скорость, характеризует процесс обращения с информацией (а также процесс потребления этой информации) в современном мире. Особо ценится не просто информация, но информация оперативная. В этой связи становится понятным требование, предъявляемое к современным ЭВМ, увеличивать скорость обработки данных. И сменяющиеся на наших глазах поколения персональных компьютеров полностью отвечают поставленной перед ними задаче. Другим аспектом этого тотального ускорения реальности является все большее увеличение количества радио- и телевизионных выпусков новостей, доносящих самую оперативную информацию до потребителя. Фраза «И как нам только что стало известно...», в последнее время ставшая как бы хорошим тоном любого выпуска новостей, призвана подчеркнуть качество журналистской оперативности, тем самым одновременно подчеркивая ценность понятия скорости в современном мире. Глаз и ухо зрителя и слушателя современных СМИ постоянно находятся в «курсе событий». Незримыми ниточками паутина информационной близости пронизывает современное общественное сознание. И сознание современного субъекта, субъекта эпохи постмодерна, отвечает этому процессу убыстрением восприятия событий и интеллектуальных фактов. Внутри сцены субъективного представления мелькает и, естественно, оценивается целый калейдоскоп сменяющихся друг друга образов, фрагментализируя субъект.

Операциональность составляет своеобразное измерение деятельности или действительности субъекта. Быть операциональным – это означает соответствовать тем ожиданиям, на которые тебя обрекает твоя прозрачность. С одной стороны, операциональность означает готовность к функционированию (оперативному и прозрачному) в рамках общественных моделей, с другой – она охватывает внутреннее измерение субъекта – его мышление, где операциональность означает некую способность, технику манипулирования знаками. Это означает кризис философии в сознании, где мышление как продумывание, неспешное проникновение в суть сменяется мышлением как техникой манипуляции с информационными единицами. Подобная комбинаторика нивелирует не только самотождественный центр (или самоосознающую инстанцию «я» субъекта), но также и любую господствующую логику смыслополагания. Это вызывает ситуацию потенциального равноправия равнооперациональных смысловых рядов. И поскольку таких смыслов во фрактальной реальности бесчисленное множество, это означает, по Бодрийяру, вступление современного мышления в совершенно новую фазу: в бесконечностный, инфинитный универсум постмодерна, в универсум событий оперативных, транспарентных и операциональных. Этому универсуму неизбежно должна соответствовать новая, трансформированная онтология. Ж. Бодрийяр считает возможным говорить в этой связи об онтологии *branchements*³, онтологии ответвлений, где бесконечность и равновероятность смысловых интерпретаций понимается как серийный процесс ответвлений, не имеющий ни начала, ни конца.

В онтологическом дискурсе Бодрийяра, как, впрочем, и в остальных онтологиях постмодерна, бытие уравнивается не с видимостью (как это часто неверно понимают любители «оптических стратегий»), но с бытийственной (то есть собственной) вероятностью.

Это может быть объяснено в контексте общего «движения к языку» в философии второй половины XX в., поскольку (хотя я вполне отдаю себе отчет, что этот тезис может прозвучать рискованно) язык обладает характеристикой вероятности прежде характеристики видимости. Вероятность должна предшествовать види-

³ См.: Baudrillard, J. *L'autre par lui-même*. – P. 13.

мости в языке в качестве неперемного условия понимания. Смысл всегда подразумевается, что указывает на его вероятностный характер. В конце концов, не существует бессмысленного языка, особенно когда мы говорим о языке в связи с философией. Онтологическое значение этого прекрасно осознавалось Мартином Хайдеггером, отождествившим вопрос о бытии с вопросом о смысле бытия, в результате чего была снята не только оппозиция между языком и реальностью, но (в этом, видимо, наибольшая радикальность новой онтологии Хайдеггера) и оппозиция между реально-присутствующим и вероятно-присутствующим. Жан-Поль Сартр обратил внимание именно на вероятностный («проективный») характер хайдеггеровского *Dasein*, хотя у самого Хайдеггера речь шла, разумеется, не о преимуществе/первенстве вероятностного над реальным, но о снятии онтологической разницы между ними. Ликвидация подобной онтологической разницы (это прежде всего смысловая множественность/вероятность) характерна для всех без исключения представителей философствования в духе *postmoder-nité*. Но, наверное, апогея этот равновероятный, равнокажущийся характер бытия достигает у Ж. Бодрийяра, осмысливающего процессы постмодернистской трансформации всей европейской культуры конца XX в. Внутри этой трансформации мы опять-таки имеем дело со сферой бытия субъекта, где этот субъект, однако, «более не существует как драматург или актер, но лишь как терминал умножающихся сетей (*reseaux*)»⁴ в едином (то есть равновероятностном) измерении того экстаза современной коммуникации, где все плавится воедино: образы, события, функции. В наши дни, согласно Бодрийяру, бытие являет себя не в стихии полагания предметности, но всегда уже внутри рамок той «системы объектов», которая стала тотальной мобильной основой современной цивилизации. В контексте «системы объектов» преодолевается прежняя субъект-объектная дихотомия: отдельный бытийствующий объект, чье бытие полагается субъектом, говорит Бодрийяр, сегодня является чистым мифом, «ибо он не существует иначе как в различных типах соотношений и обозначений»⁵.

⁴ Baudrillard, J. *L'autre par lui-même*. – P. 15.

⁵ Baudrillard, J. *Pour une critique de l'économie politique du signe*. – P.: Tel-Gallimard, 1990. – P. 60.

Постмодернистское преодоление субъект-объектного различия осуществляется Бодрийяром посредством обращения к преимущественно языковому или «знаковому» характеру реальности. Объект превращается в объект-знак и как таковой в рамках общей теории знаковых систем становится кодированным различием, основной характеристикой которого является не просто современная тяга к «философии различия» (Делез), но подчиненность коду системы объектов в ее тотальности.

Основным событием, свершающимся в недрах бытия современности, Бодрийяр считает не хайдеггеровский *Gestell*, а то, что теперь уже само бытие субъекта определяется логикой саморазвития системы объектов. Именно от этой системы в наши дни исходит то, что Хайдеггер называл «судьбой бытия» или «бытием», взятым с точки зрения его всемирно-исторической свершаемости. При этом старый, ставший уже привычным для мышления объект в этой «системе объектов»... отсутствует, объекты-знаки утверждают повсеместное господство и повсеместное исчезновение объекта в гиперфункциональном множестве его собственных отношений. Добавим, объект здесь понимается прежде всего как объект современного философского осмысления, или, употребляя выражение Жюлья Делеза, «концептуальный объект». Такова, согласно Бодрийяру, логика «самостоятельной стратегии объекта (то есть независимой от воли и познавательных усилий субъекта)», в соответствии с которой осуществляется нигилистическое движение в осмыслении самого статуса сущности бытийственности: от бытия вещи (в древней философии) через бытие вещи-объекта (в классической немецкой философии) к бытию объекта-знака (в современной философии, в связи с чем, кстати, на первый план выходит творчество таких подчеркнуто-языковых мыслителей, как Хайдеггер, Фрейд, Витгенштейн) и уже в экстазе гиперреальности, когда бытийственный статус наличного и вероятностного уравнивается и служит основой принципиально всякого мышления вообще (если, конечно, оно, полагает Бодрийяр, хочет претендовать на роль мышления, адекватно осмысливающего современность), к бытию «чистого объекта» (разворачивающемуся в пространстве постмодернистской вероятности и смысловой множественности).

В целом Бодрийяр продолжает хайдеггеровскую традицию осмысления европейского нигилизма, одним из видов которого (и одновременно ответом на который) является философия постмодерна, но делает он это уже исходя из новых реалий современности, где вслед за общей трансформацией статуса бытийственности сущность бытия субъекта также претерпевает значительные изменения. «Ибо речь теперь идет не о различии одного субъекта от другого, но о бесконечных различиях внутри одного и того же субъекта»⁶.

Постсовременность характеризуется не просто устремленностью к различию, попытками разрушения тождественности, но еще и волей к бесконечности, «бесконечным различиям», бесконечной смысловой вариативности. В этом контексте соответственно интерпретируется и особый характер субъекта в новейших онтологиях. Современный субъект, с точки зрения теоретиков постмодернизма, уже не является абстрактным единым полагающим «Я» чистой интеллектуальной субстанции, каким его всегда предпочитала видеть новоевропейская рационалистическая традиция, начиная с Декарта и заканчивая разнообразными ответвлениями современного позитивизма. Субъект, о котором вела речь эта традиция, – это прежде всего фигура синтеза и единства, неприемлемая для постмодернистского мышления, абсолютизирующего различие множественности.

И поминки по этому субъекту, тщетные попытки его реанимировать, с точки зрения Бодрийяра, весьма забавны: те, кто кричат о возвращении субъективности, о возрождении прежнего бытийственного статуса субъекта, сами не верят в подобный одномерный фантом; они знают, что субъект в онтологической ситуации постсовременности утратил былую целостность (пусть даже только ему приписываемую), свою убежденность в том, что он может изменить мир и что это может стать его целью, – агонию такого субъекта можно наблюдать еще в текстах Ницше. Согласно Бодрийяру, процесс «деперсонализации» субъекта сегодня зашел столь далеко, что субъект теперь находится в позиции собственного исчезновения, и в поисках его на глазах исчезающей фигуры взгляд аналитика (то есть человека с воображением, как вслед за Э. По повторяют

⁶ Baudrillard, J. L'autre par lui-même. – P. 37.

Делез, Бодрийяр, Деррида) останавливается на той системе «объектов» или «концептов», той форме современного бытия, где, собственно, и исчезает субъект.

Критика системности и «интегризма воображаемого» приводит Бодрийяра к выводу о том, что единственным пространством теоретического анализа сегодня выступает «поле сингулярных фрагментов», где осуществляется переход от одной сингулярности к другой, причем он носит принципиально игровой характер⁷. Нигилистический подтекст подобной фрагментаризации вполне очевиден и для самого Бодрийяра, который признает: «Мое обращение к фрагментарному обусловлено желанием деструктурировать совокупность и открыть для себя пустоту и исчезновение»⁸.

Онтология постмодерна утверждает, что современный субъект воплощает собой собственную вероятностную множественность; он, как и окружающее его бытие, изменчив и многолик. Вот почему сейчас, с точки зрения философов *postmodernité*, бессмысленно, да и невозможно адекватно описывать современную реальность классическими средствами и терминологией. Современный субъект, утверждает Бодрийяр, являет собой многослойное переплетение смысловых рядов, он лишен того стержнеобразующего центра, устойчивого «Я», к которому постоянно апеллировала традиционная онтология. Центр принятия решений у субъекта *postmodernité* находится часто вне досягаемости самого субъекта, можно даже сказать, что этот центр, утратив устойчивость, перемещается по лабиринтам комбинаторики желаний, разыгрываемой по сценарию «системы объектов». Бодрийяр делает вывод, что в эпоху масс-медиа и тотальной информационной вовлеченности сам субъект утрачивает характер самостоятельности, выступая в качестве голограммы системы объектов: «Каждый осколок голограммы содержит в себе целостный универсум. Это также является характеристикой фрактального объекта. ...Но сегодня мы можем говорить и о фрактальном субъекте, который дифрактирует во множестве миниатюрных эго»⁹. Такое распыление субъекта нивелирует не толь-

⁷ См.: Бодрийяр, Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – С. 95.

⁸ Там же. – С. 97.

⁹ Baudrillard, J. L'autre par lui-même. – P. 36.

ко его самотождественный центр, но и любую господствующую логику смыслополагания, вызывая ситуацию столь близкого сердцу постмодернистских мыслителей потенциального равноправия (то есть равновероятностного характера) смыслов. Признание бесчисленного множества таких смыслов во фрактальной реальности означает, говоря словами Бодрийяра, вступление современного мышления в новую фазу: в бесконечностный бытийный универсум *postmodernité*.

Этому универсуму неизбежно должна соответствовать новая, трансформированная онтология, онтология *branchements* – «онтология ответвлений». Бытие обретает новое качество: бесконечности и равновероятности всех смысловых интерпретаций, понимаемых как серии ответвлений, как процесс, не имеющий ни начала, ни середины, ни конца. Ответвление, по Бодрийяру, означает «непрерывное испытание присутствия субъекта в его соотношении с объектами»¹⁰, непрерывное испытание гипотетическими смыслами, входящими в современное бытие на правах реальности. Но эта онтологическая реальность смысловых вероятностей и умножений вряд ли может быть описана в терминах декартовской, кантовской или гегелевской мысли. Скорее, она имеет прямое отношение к современной форме онтологического нигилизма.

В отличие от предшествующих форм нигилизма это нигилизм прозрачности, то есть отсутствия порядка глубинной реальности, чистой игры видимостей, и реализуется он отнюдь не в разрушении, но в симуляции.

Шествие нигилизма в целом раскладывается Бодрийяром на три этапа, соответствующих в чем-то движению объектов: этап видимости, затем этап прозрачности и наконец этап исчезновения (*mode de disparition*).

Каждая последующая стадия, согласно Бодрийяру, отличается от предшествующей все большей радикальностью, и если два первых этапа еще несли в себе разрушительное начало, пропитанное духом апокалипсиса, то последняя стадия нигилизма отнюдь не апокалиптическая. Ибо в ней исчезает даже апокалипсис. «Конец апокалипсиса в наши дни – следствие господства *нейтрального*, ней-

¹⁰ Baudrillard, J. *L'autre par lui-même*. – P. 13.

тральных и безразличных форм. Я не стану останавливаться на вопросе, является ли эстетика нейтрального (*esthétique du neutre*) своего рода романтизмом. Я в это не верю. Все, что в ней остается, – очарование пустынных и безразличных форм, та операция системы, которая аннулирует нас... Ибо очарование есть нигилистическая страсть, свойственная модусу исчезновения»¹¹. Очарование нарцисса-цветка – плод нигилистической страсти, уничтожившей Нарцисса-человека. Это очарование *непреодолимо* влечет к себе современную науку, искусство, философию. Ибо даже сам анализ, особенно в философии последних десятилетий (от Витгенштейна и позднего Хайдеггера до Деррида), поддался очарованию «выскальзывания из смысла», этому соблазну духа постмодерна. «Даже сцена анализа стала неопределенной, случайной: теории сносятся этими волнами неопределенности и случайности (но на самом деле нигилизм *уже невозможен*, ибо он еще является *теорией*, хотя и безнадёжной; но еще определенной воображением конца)»¹².

И Бодрийяр продолжает нигилистическую тему, утверждая, что если быть нигилистом означает быть аналитиком системы до точки, откуда возвращение невозможно, то он нигилист, постулирующий наличие «порядка исчезновения». Но это утопия, ибо нигилизм завершен. Бодрийяр признается, что мечтал бы быть нигилистом, если бы это было еще возможно или имело бы смысл, ведь нигилизм еще был теорией, соотносясь с порядком реальности, цели и смысла.

Но что же все-таки остается? Это – вопрос *остатка*, *le reste*, занимающий в последние годы многих философов. В первую очередь Бодрийяр обращает внимание на странность «остатка» – он не имеет оппозиционного термина. Что противостоит «остатку»?

«Остаток», более того, не имеет имени; нестабильный и анонимный, «остаток» уклоняется от любой дефиниции, позитивной или негативной. Действительно, что, к примеру, *не есть* «остаток»? Эта неопределенность «остатка» до удивления напоминает неопределенность порядка симуляции, и Бодрийяр заключает: «Невозможность определения того, что есть остаток, является иной характе-

¹¹ Baudrillard, J. *Simulacres et simulation*. – P. 231.

¹² *Ibid.* – P. 232.

ристикой фазы симуляции и агонии всех различительных систем, фазы, где все становится остатком»¹³.

Впрочем, с точки зрения Бодрийяра, ситуация с «остатком» намного более оригинальна: сама подвижность его структур, неопределимость в терминах оппозиции свидетельствуют о том, что «больше не существует даже самого остатка»¹⁴, который аннулируется как таковой в постоянных мутациях феноменов, и вовсе не потому, что в условиях «эстетики тотального исчезновения» не остается никакого остатка (в эстетике исчезновения фактически ничего не исчезает), а в силу того простого факта, что остаток не имеет больше никакого смысла (опять-таки: в эпоху симулякров остатком может быть *что угодно*).

Но что остается, когда исчезает даже нигилизм? Что остается за пределами конца мышления, философии, эстетики? Остается... «меланхолия, это неотъемлемое качество порядка (mode) исчезновения смысла»¹⁵.

Меланхолия, излюбленный термин, *terme forte* Бодрийяра, в изобилии встречающийся на страницах его книг, принадлежит эпохе «торжества симулякров», «торжества симуляции», когда «жизнь вовсе не безнадежна, но лишь слегка меланхолична»¹⁶. И эта легкая меланхоличность не оптимистична, не пессимистична, но именно она в качестве стиля мирозерцания создает основную тональность мышления Бодрийяра, придавая ему своеобразное очарование, столь присущее стилю эстетики постмодернизма. Меланхолия Бодрийяра – меланхолия очарования, околдовывающего фатального. Это «фатальное» просматривается в стратегии объекта, стратегии «*иронического*» по своему существу (ибо ее нельзя назвать иначе как иронией по отношению к экстазу субъективизма последнего периода европейской истории). И поэтому «в термине “фатальное” нет ничего фаталистического или апокалиптического. Он просто включает в себя эту метаморфозу следствий (а вовсе не метафизику причин) в универсуме, лишенном как черт детерминистичности, так и черт ее отсутствия. Но в этом – более высокая необходимость, переносящая вещи к точке, откуда возвращение

¹³ Baudrillard, J. Simulacres et simulation. – P. 209.

¹⁴ Ibid. – P. 212.

¹⁵ Ibid. – P. 234.

¹⁶ Baudrillard, J. Cool memories. – P.: Galilée, 1987. – P. 166.

невозможно (un point de non-retour), к спирали, которая больше не является спиралью их производства, но есть спираль их исчезновения. Все это привязано к субъекту, к области его исчезновения, и это есть «фатальное»¹⁷.

Подобная «фатальность» фактически выводит теорию Бодрийера за пределы приемлемых в науке интеллектуальных территорий, которые априорно дефаталистичны. Логика самой теории ведет ее автора к парадоксальным выводам о невозможности существования *любой* теории в тотальной «детеоретичности» порядка симулякров. Бодрийер не делает исключений, считая и собственную теорию теорией, лишенной следствий, гипотезой или фантомом. Он говорит об этом весьма охотно, опять-таки не без известной доли меланхоличности...

Нельзя не признать, что Бодрийер по-своему весьма последователен и логичен, по крайней мере, в рамках интеллектуального пространства философии постмодерна, рискующей по-своему описывать новые формы, которые принимает нигилизм в современности. Однако размышления Бодрийера о нигилизме, на наш взгляд, не только эксплицируют фазы развития и сущностные черты современного нигилизма, но также со всей очевидностью демонстрируют лежащую в основе самих этих размышлений нигилистическую логику развертывания теоретических построений, характерную для всего постмодернистского взгляда на действительность.

¹⁷ Baudrillard, J. L'autre par lui-même. – P. 75–76.